

АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ АНАШКИН

кандидат филологических наук, заместитель декана по научной работе богословского факультета, доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

доцент кафедры классической филологии Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5246-2210; miles-an@rambler.ru

МОРФОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ПЕРФЕКТНЫХ ФОРМ В ВИЗАНТИЙСКОЙ КАНОНИКО-ПРАВОВОЙ ВОПРОСОТВЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А н н о т а ц и я . Исследуются функциональные особенности греческого перфекта и модели его образования на материале византийских памятников церковной канонико-правовой вопросоответной литературы XI–XV веков. Обращение к текстам византийских канонических вопросоответов обусловлено тем, что они, исходно представляя собой акты эпистолярной коммуникации, оказываются ценным лингвистическим источником и могут дать представление о бытовании греческого языка в определенной традиции. Актуальность работы определяется проблематикой, направленной на изучение темы глагольных времен. Результаты исследования показывают, что перфект в основном представлен личными формами в индикативе и причастиями. Причем наиболее живыми из синтетических перфектных форм оказываются именно причастия, сохранившиеся в некотором виде в новогреческом. Исследование частотности и распределения форм перфекта показало, что даже в текстах одного языкового уровня, жанра и стиля существуют качественные и количественные различия в употреблении перфектных форм. В одних текстах среднее число перфектных форм находится в диапазоне ~8–11 на 1000 слов, в других этот показатель оказывается кратно меньше. Установлено, что синтетический перфект функционирует в рассматриваемых текстах как аорист, что позволяет говорить об их семантической взаимозаменяемости. Вместе с тем аналитический перфект ($\epsilon\acute{\iota}\mu\acute{\iota}$ + part. perf.), частично сохраняющий идею результативности действия, в наших памятниках является доминирующим перифразом. Результаты исследования функционирования и моделей образования перфекта, с одной стороны, могут говорить о классицизирующей ориентации языка памятников и стилистических предпочтениях их авторов, с другой – обнаруживают тенденцию к уплощению этой глагольной категории в поздневизантийский период.

К л ю ч е в ы е с л о в а : древнегреческий, средневековый греческий, перфект, морфология и семантика перфектных форм, византийские вопросоответы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Анашкин А. В. Морфология и семантика перфектных форм в византийской канонико-правовой вопросоответной литературе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 7. С. 28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.954

ВВЕДЕНИЕ

Тема глагольных времен является одной из самых проблемных тем греческой грамматики. Проблеме прошедших времен в древнегреческом языке посвящено немало исследований, однако до сих пор остается открытым вопрос об их употреблении. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы рассмотреть функциональные особенности греческого перфекта и описать модели его образования в средневековом греческом

языке на материале византийских памятников канонико-правовой вопросоответной литературы XI–XV веков.

Как известно, древнегреческий синтетический перфект представлял отдельную глагольную категорию. Его основными морфологическими признаками являются редупликация (приращение), суффиксальное расширение -к- (для perf. I act.) после первичной основы и особые окончания в активном залоге, во многом совпадающие

с окончаниями аориста активного. Первоначально его формы выражали физическое или психическое состояние в настоящем, результирующее некое действие в прошлом. Таким образом, перфект сочетает две временные зоны – прошлое и настоящее. Поэтому, во-первых, в отдельных случаях перфект может переводиться настоящим (*perfectum praesens*: ἔστηκα ‘я стою’) и, во-вторых, может употребляться в значении аориста (*perfectum praeteritum*). В IV веке до н. э. исследователями фиксируется утрата функционального различия греческими авторами перфекта и аориста [13: 102]¹, [15: 270]. В период койне перфект приобрел значение законченного действия, а формы перфекта и аориста семантически становятся взаимозаменяемыми [12: 177], что находит отражение в морфологии, когда в формах перфекта используются окончания аориста и наоборот [9: 30], [13: 130]. В текстах Нового Завета синтетический перфект свободно чередуется с аористом² [4: 77–81], [16: 314–322]. М. Хинтербергер считает, что в разговорном языке синтетический перфект, прекратив употребляться в результате этого процесса и как бы передав эту семантическую роль аористу, окончательно исчезает из живого языка на рубеже поздней Античности и ранневизантийского периода [12: 177]. Для обозначения результирующего состояния, выражаемого теперь аористом, в византийский период нередко использовались причастные описательные конструкции с εἰμί и ἔχω [6], [8]. Их полномасштабному диахроническому исследованию («от Гомера до наших дней») посвящена докторская диссертация У. Дж. Аэртса [5]³, который занимался изучением греческих причастных перифраз с εἰμί и ἔχω, включая конструкции с перфектными причастием. Аэртс обращает внимание на то, что причастные перифразы, встречающиеся уже в поэмах Гомера, часто использовались для форм *perf.* и *qrpf. ind.* в 3 sg. и послужили образцом для конструкций εἰμί + *part. praes.* [5: 51]. Новогреческий же перфект представляет собой конструкцию ἔχω + *inf. aog.* (неопределенная форма глагола с перфективной основой) [3: 125, 140], которая, как указывает М. К. Янссен, впервые засвидетельствована в текстах именно как форма перфекта не ранее конца XVII века [14: 245–246]⁴. Прямым наследником древнегреческого синтетического перфекта являются новогреческие застывшие перфектные причастия.

Ниже предлагаем к рассмотрению результаты наших исследований использования перфекта (и плюсквамперфекта) в памятниках византий-

ской церковной эротапокритической письменности XI–XV веков, артикулируя внимание на морфологии обнаруженных перфектных форм и их семантике.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили византийские канонические вопросоответы⁵. Рассматриваемые памятники вопросоответной литературы, уходящей корнями в античную традицию, претерпели жанровое превращение из актов эпистолярной коммуникации в собрание различных церковных прецедентов в вопросоответной форме [1], [2]⁶. В свете этого обращение к текстам византийских канонических вопросоответов можно считать и обоснованным, и необходимым, поскольку они оказываются ценным лингвистическим источником и могут дать представление о бытовании греческого языка в определенной традиции.

В таблице приведены количественные показатели встречающихся форм (синтетического и аналитического) перфекта с различием залоговой категории. Фактически речь идет о причастиях и формах в индикативе. Полученные результаты позволяют говорить о том, что личные активные и медиопассивные формы встречаются приблизительно в одинаковой пропорции с небольшим преобладанием в пользу активного залога (3/4). Однако при этом отметим, что в ответах Петра Хартофилакса отсутствуют активные личные формы, в ответах Нила Родосского – медиопассивные, а в ответах Никифора Хартофилакса мы вообще не обнаружили личных перфектных форм. В тех же ответах Петра Хартофилакса нет ни одного перфектного причастия; активных причастий нет у Никифора Хартофилакса и Нила Родосского, а медиопассивных форм причастия – у Илии Критского и Никиты Фессалоникийского. В то же время медиопассивные причастия статистически встречаются несколько чаще активных. В ходе исследования ни в одном из наших текстов не было обнаружено ни одной формы конъюнктива, опатива или императива. Зафиксирована единственная форма инфинитива: μεμνήσθαι (Иоасаф Эфесский). Для выявления частотности использования перфекта и сопоставления полученного значения между текстами в таблице введен показатель среднего числа перфектных форм. Этот показатель был рассчитан нами по формуле $\bar{x}_{perf} = (S_{perf} * 100) / S_{wf}$, где \bar{x}_{perf} – среднее число форм в перфекте в расчете на 100 слов⁷, S_{perf} – абсолютное число форм в перфекте, S_{wf} – общее количество текстовых символов в источнике.

Употребление перфектных форм и показатель их среднего числа
Use of perfect forms and their average number

	Перфект				S_{perf}	\bar{x}_{perf}
	Личные формы		Participium / Infinitivus			
	Act.	Med.-Pass.	Act.	Med.-Pass.		
Νικита μιτρ. Ιρακλιϊσκίϊ 13 <i>вопр.-отв.</i> (1305 <i>слов</i>)	10 γεγόνασιν γέγονε(ν) 6 γέγονα ἔοικε(ν) 2	3 ἀπολελυμένη ἐστί ἐκπεφώνηται γέγραπται	1 γεγονότα	1 νενεμημένους	15	1,15
Νικόλαϊ ΙΙΙ Γραμματικ 19 <i>вопр.-отв.</i> (1348 <i>слов</i>)	2 εἶρηκεν δέδωκε	3 κεκόλυται 2 κατενήνεκται	4 προημартηκότος προημартηκώς τεθνηκότων τεθνεώτων	6 παραδεδομένας τεθρονιασμένον δεδομένης κεκολλημένους προσκεκομισμένην περικεκλεισμένους	15	1,12
Πετρ Χαρτοφίλαкс 21 <i>вопр.-отв.</i> (656 <i>слов</i>)	–	2 κεκόλυται 2	–	–	2	0,3
Νικифορ Χαρτοφίλαкс 5 <i>вопр.-отв.</i> (479 <i>слов</i>)	–	–	–	4 ὠρισμένοις προηγιασμένη 2 προηγιασμένην	4	0,84
Илия Критский 7 <i>вопр.-отв.</i> (2721 <i>слово</i>)	6 γέγονε(ν) 2 μεμαρτύρηκε 3 πεπλήρωκε	4 εἴληπται δεδήλωται εἴρηται γέγραπται	3 ἑωρακώς 3	–	13	0,48
Лука Χρισοβεργ 20 <i>вопр.-отв.</i> (1431 <i>слово</i>)	3 τετελεύτηκεν εὐρήκαμεν πεποιήκασιν	2 ἀποκέκλειστα δεδήλωται	2 τεθνηκότων τεθνηκότα	5 μεμονωμένην μεμονωμένας δεδομένης κεκολλημένους 2	12	0,84
Νικита μιτρ. Φεσσαλονικίϊσκίϊ 17 <i>вопр.-отв.</i> (1627 <i>слов</i>)	2 γέγονε(ν) 2	1 κέκτηται	2 γεγονός πεπορευκότος	–	5	0,31
Νιλ Διαζορην μιτρ. Ροδοςский 21 <i>вопр.-отв.</i> (1483 <i>слова</i>)	1 παραδεδώκασι	–	–	3 προηγιασμένην προηγιασμένα προηγιασμένης	4	0,27
Ιωасаф μιτρ. Ἐφεσσский 54 <i>вопр.-отв.</i> (3030 <i>слов</i>)	1 παραδέδωκεν	7 προηγιασται κεκόλυται 4 συγκεχώρηται ἐνι κεκολλημένον	2 τεθνηκώς τεθνηκότος	19 κεχαρισμένα τεταγμένον τετελειωμένα κεκοιμημένους παραδεδομένον μемνησθαι κεκοιμημένων 2 τετελειωμένον 2 προηγιασμένην προηγιασμένων προηγιασμένη προηγιασμένα προκεκοσμημένα ἀποτεταγμένην μемνηστευμένης κεκτημένος κεκοιμημένον	29	0,96

Полученные результаты указывают на то, что перфект наиболее активно используется следующими авторами – Никитой Ираκλιϊским, Николаем Грамматиком, Никифором Хартоφίλαксом, Лукой Χρισοβεργом, Ιωасафом Ἐφεσσским. Среднее число перфектных форм в них приближается к значению 1 на 100 слов (~ 8–11

на 1000 слов). В вопросах Петра Хартоφίлакса, Илии Критского, Никиты Солунского и Нила Родосского показатель частотности использования перфекта кратно меньше. Из данных таблицы также видно, что формы перфекта в основном представлены причастиями, причем нередко субстантивированными (τὰ γεγονότα,

ἡ προηγιασμένη, ὁ τεθνηκώς). Вполне вероятно, что уже в XI веке именно причастия были наиболее «живыми» из синтетических перфектных форм, поскольку, как мы говорили ранее, единственный сохранившийся неаналитический перфект в новогреческом языке – это именно застывшие причастные формы.

Даже с учетом результатов расчета показателя частности можно говорить о том, что употребление форм перфекта, который был важной частью глагольной системы древнегреческого языка классического периода [18: 35–38], [20], – явление нередкое для наших текстов (за исключением, пожалуй, ответов Петра Хартофилакса и Нила Родосского). И так же нередко авторы этих текстов используют его не только для выражения состояния или завершенного действия с результатом в настоящем, но как альтернативу аористу. Речь идет о синтетических формах перфекта. Например, в обороте ὁ εἶρηκεν ὁ ἀπόστολος едва ли можно предполагать, что действием сказуемого автор выражает результативность в настоящем:

Τί ἐστὶν ὁ εἶρηκεν ὁ ἀπόστολος⁸: Ὁ ἐν χεῖλεσι μιανθείς; (Вопрос 12. Ответы Николая Грамматика).

Что означает сказанное апостолом: «Оскверненный устами»?

В вопросоответах Луки Хрисоверга действие сказуемых в перфекте и аористе находится в одной временной зоне:

Τετελεύτηκεν ἀδελφὸς συνήθως καὶ ἡσπασάμεθα τοῦτον (Вопрос 2. Ответы Луки Хрисоверга).

Умер брат обыкновенным образом, и мы его целовали.

Синтаксическое примыкание (или синтаксическая связка) личных форм синтетического перфекта и аориста, как нам кажется, убедительно показывают их семантическую взаимозаменяемость. Подобных примеров в наших текстах много, а такое функционирование перфекта можно обнаружить и в новозаветных текстах [12: 177–178].

Выше мы уже говорили об использовании византийскими авторами причастных перифраз для форм perf. и pperf. ind. в 3 sg. Отметим, что нами зафиксированы такие случаи употребления описательных форм перфекта пассивного:

Καὶ τοῦτο ἐνὶ κεκωλυμένον παρὰ τῶν νόμων, καὶ ὁ τοῦτο ποιήσας καὶ ἐνταῦθα οὐκ εὐοδοῦται, καὶ ἀπελθὼν ἐκεῖ κολάζεται, ὡς καταφρονητὴς τῶν θείων. (Вопросоответ 36. Ответы Иоасафа Эфесского).

Это (опирать крышу дома на стену храма. – А. А.) запрещено законами, и если кто-либо это совершил, то он и здесь не преуспевает, и там после смерти называется как презритель божественного.

...ὡς λέγουσιν τινες, ὅτι αὕτη ἀπολελυμένη ἐστὶ (Вопрос 5. Ответы Никиты Ираклийского).

...как говорят некоторые, что она же освобождена (от разбирательств и наказания. – А. А.).

В приведенных отрывках формы пассивного перфекта указывают на результативность в настоящем. В первом примере сказуемые εὐοδοῦται и κολάζεται поддерживают эту темпоральную близость с ἐνὶ κεκωλυμένον, а использование аористных причастий говорит о том, что Иоасаф Эфесский понимает разницу между аористом и перфектом. Во втором примере, в сущности, ситуация та же: действия ἀπολελυμένη ἐστὶ и λέγουσιν с точки зрения момента времени очень близки. Эти два частных примера из Никиты Ираклийского и Иоасафа Эфесского указывают, что понимание разницы между классическим перфектом и аористом фрагментарно еще существует. Однако они представляют скорее исключение, чем какую-то закономерность, что подтверждается результатами исследования К. Бентейна [7: 256–263].

В целом можно говорить о том, что система греческих времен в наших памятниках ориентирована на классическую древнегреческую: используются все времена глагола, которые были известны в классический период. В пользу этого могут свидетельствовать факты (пусть и немногочисленные) употребления плюсквамперфекта для обозначения предшествующего действия, что говорит о тяготении авторов к античной традиции:

Δέσποτά μου ἄγιε, κόρη τις ἀνελάβετο ἄνδρα νομίμῳ γάμῳ, ἐφ' ᾧ καὶ εὐχὴ μνηστείας ἐδόθη καὶ ιερολογία ἐγγυόνει (3. Ερώτησις Ответы Никиты Ираклийского). Святой мой владыка, одна девушка сочеталась с мужем законным браком, над которым и молитвы обручения были произнесены, и объяснение священного смысла (обручения или таинства брака. – А. А.)⁹ имело место.

Наиболее интересным представляется случай употребления в ответах Нила Родосского аналитического плюсквамперфекта, когда к вспомогательному глаголу ἔχω в impf. (εἶχον) примыкает глагол в aor. cop. act.:

Ὁ δὲ θεὸς ἱεράρχης κύρ Νεῖλος ἐκόλυσε τὸν ἱερέα ἐκεῖνον μῆνας ἕξ καὶ δ' φλωρία ἐλεημοσύνην ἔλεγεν αὐτῷ· πότε προηγιασθῆ ἐκεῖνος ὁ ἄρτος, καὶ ἔλεγες “Τὰ προηγιασμένα Ἅγια τοῖς ἁγίοις”; εἰ δὲ πολλάκις εἶχε τὸν λειτουργίῃ αὐτὸν σαββάτω ἢ κυριακῇ, χωρὶς προηγιασμένης, μετὰ τὴν τελείωσιν τῆς λειτουργίας, ὀλιγώτερον ἐστὶν τὸ κωλύον μόνον διὰ τὴν ἀπροσεξίαν. (Ответ 20. Ответы Нила Родосского).

Божественный же иерарх кир Нил запретил того священника в служении на шесть месяцев и (оштрафовал. – А. А.) на четыре флорина для принесения

ния милостыни, и говорил ему: «когда тот хлеб был преждеосвящен, и говорил *ли* ты “Преждеосвященная Святая святым”?»». Если же он часто его (хлеб. – А. А.) литургисал в субботу или в воскресенье, без предварительного освящения, по окончании литургии, то запрещение это лишь из-за невнимательности является незначительным.

В настоящем ответе есть временная противопоставленность форм аориста и имперфекта (ἐκόλυσε и ἔλεγε), с одной стороны, а с другой – конструкции εἶχε λειτουργήσῃ, которая подчеркивает предшествование события, описанного во втором предложении ответа. Конструкция практически служит прототипом новогреческого плюсквамперфекта (ср.: глаг. ἔχω в аористе – εἶχα + основа аориста смыслового глагола без приставки ε и с окончанием -ει, например: εἶχα ακούσει). Мы полагаем, что в этом случае имеет место влияние разговорного языка. Отдельно хочется обратить внимание на то, что в этом же фрагменте обнаруживается редкая синтаксическая особенность: характерный для балканских языков случай местоименного повтора – антиципация местоименного дополнения: εἰ δὲ πολλάκις εἶχε τὸν λειτουργήσῃ αὐτὸν σαββάτῳ ἢ κυριακῇ. Заметим, что в новогреческом языке местоименный повтор дополнения принято считать разговорной чертой.

Если следовать теории уровней стиля, которую нередко применяют в современных византийских исследованиях для классификации византийских текстов¹⁰, то на ее основании (при всей условности и схематичности самой теории [22: 528]) следовало бы отнести эти памятники

если не к высокому уровню, то, по крайней мере, к промежуточному – между высоким и средним (что-то наподобие upper-middle), поскольку в текстах встречаются признаки обоих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование частотности и распределения форм перфекта показало, что даже в текстах одного языкового уровня, жанра и стиля существуют качественные и количественные различия в употреблении перфектных форм. В одних текстах (как вопросыответы Никиты Ираклийского, Николая Грамматика, Никифора Хартофилакса, Луки Хрисоверга, Иоасафа Эфесского) среднее число перфектных форм находится в диапазоне ~8–11 на 1000 слов, в остальных текстах этот показатель меньше в два или даже три раза. Статистические расчеты показывают, что в исследуемых текстах формы перфекта в основном представлены пассивными причастиями, а формы конъюнктива, опатива и императива авторами не используются. Синтетический перфект функционирует в наших текстах как аорист, что позволяет говорить об их семантической взаимозаменяемости. В то же время аналитический перфект (εἶμι + part. perf.) фрагментарно сохраняет идею результативности действия и в наших текстах является доминирующим перифразом. Нами выявлена также аналитическая конструкция, семантически соответствующая древнегреческому плюсквамперфекту: εἶχον + aor. cop. act. Модель образования этой конструкции, по нашему мнению, является прототипом новогреческого плюсквамперфекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дж. Хоррокс, в частности, указывает, что это характерная черта языка Менандра [13: 102].

² Ср., например, один и тот же сюжет у Мф. и Лк.: οὐ γὰρ ἦλθον καλεῖσαι δικαίους (Мф. 9:13); οὐκ ἐλήλυθα καλεῖσαι δικαίους (Лк. 5:32).

³ Заметим, что Аэртс первым принял во внимание средневековый византийский и новогреческий материал (в том числе на греческих диалектах, например на цаконском), хотя именно эти находки позднее и подвергались критике [21].

⁴ Янссен указывает, что среди исследователей нет единого представления о том, когда конструкция ἔχω + inf. стала использоваться как форма аналитического перфекта [14: 245–246].

⁵ В рамках настоящего исследования нами были рассмотрены следующие памятники: 1. Ответы Никиты митр. Ираклийского: Ἐρωτήσεις ἀποσταλεῖσαι παρὰ Κωνσταντίνου ἐπισκόπου πρὸς τὸν μακαριώτατον μητροπολίτην Ἰρακλείας κύριον Νικήταν, καὶ ἀποκρίσις τοῦ αὐτοῦ ἀρχιερέως ὠφέλιμος; 2. Ответы патриарха Константинопольского Николая III Грамматика: Ἐρωτήσεις Ἰωάννου μοναχοῦ πρὸς Νικόλαον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως; 3. Ответы Петра Хартофилакса: Ἐρωτήσεις τινὸς μοναχοῦ πρὸς τὰς λύσεις κανονικῶς ἀποδέδωκεν ὁ μακαρίτης χαρταφύλαξ τῆς ἁγιωτάτης ἐκκλησίας Πέτρος; 4. Ответы Никифора Хартофилакса: Ἐρωτήσεις Μαξίμου μοναχοῦ πρὸς τὸν ἁγιώτατον κύριον Νικηφόρον καὶ γεγονότα χαρτοφύλακα τῆς τοῦ θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας περὶ διαφόρων κεφαλαίων; 5. Ответы Илии митр. Критского: Ὑπόμνησις γενομένη παρὰ τινος ἱερέως πρὸς τὸν ἱερώτατον μητροπολίτην Κρήτης κύριον Ἠλίαν περὶ τῆς προσκομιδῆς; 6. Ответы патриарха Константинопольского Луки Хрисоверга: Ζητήματα, ἅπερ ἔλυσεν ὁ Πατριάρχης Λουκᾶς; 7. Ответы Никиты митр. Фессалоникийского: Ἐρωτήσεις διαφόρων νομίμων καὶ κανονικῶν ζητημάτων ἀνενεχθεῖσαι Νικήτη, τῷ ἁγιωτάτῳ μητροπολίτῃ Θεσσαλονίκης, καὶ λύσεις αὐτῶν ἀπολυθεῖσαι παρ’ αὐτοῦ; 8. Ответы Нила митр. Родосского: Ἰωνᾶ Ἱερομονάχου ἐρωτήσεις περὶ τινῶν ἀναγκαίων καὶ ἀποκρίσεις κύριον Νείλου τοῦ ἁγιωτάτου Μητροπολίτου Ρόδου; 9. Ответы Иоасафа митр. Эфесского: Ἰωάσαφ Ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγγέλλου ἀποκρίσεις πρὸς τὰς ἐρωτήσεις, ἃς ἠρώτησεν ὁ εὐλαβέστατος ἐν ἱερεῦσιν κύριον Γεώργιος ὁ Δραζίνος.

- ⁶ О проблеме жанровой принадлежности вопросоответной литературы см. также: [10: 343–344], [11], [17].
- ⁷ В связи с тем что объем текстов вопросоответов Петра Хартофилакса и Никифора Хартофилакса составляет менее 1000 слов, мы были вынуждены приводить показатели частотности в расчете на 100 слов. Поэтому в таблице иррациональные значения указываются с округлением числа до сотых.
- ⁸ В издании вопросоответов Spic. Sol. (P. 480. Ἐρώτησις X) в этом же вопросе автором слов «оскверненный устами» вместо «апостола» указан «Святой Василий» (ὁ ἅγιος Βασίλειος).
- ⁹ Считаем необходимым оставить небольшой исторический комментарий к этому месту, который поможет понять, почему ἱερολογία нами понято не как венчание (как в издании А. Павлова), а как объяснение смысла («священнотолкование»). Несмотря на то что 24-я (1084 год) и 31-я новеллы (1092 год) имп. Алексея I Комнина установили венчание как основную форму церковного благословения брака и сделали его обязательным для всех людей (и для свободных, и для рабов), на практике, как видим из этого фрагмента, венчание еще было необязательным. В XI веке процесс становления чинопоследования венчания как официальной формы благословения только завершился, а церковное обручение все еще могло быть достаточной формой заключения брака. По нашему мнению, форма плюсквамперфекта ἐγεγόνει в данном случае как раз указывает, что ἱερολογία следует понимать не как таинство венчания (а именно так это слово было истолковано славянским переводчиком текста: этот перевод можно найти в издании А. Павлова), а как толкование или объяснение священного смысла обручения или таинства брака, которое предшествовало обручению и венчанию. Таким образом, в нашем фрагменте определительное придаточное (ἐφ' ᾧ) фактически служит определением понятия законного брака, который суть священнотолкование и обручение, после которого брачующиеся могли вступать в брачные отношения. Следовательно, обручение имело канонические последствия брака и являлось нерасторжимым.
- ¹⁰ Теория уровней стиля сформулирована, в частности, в работах И. Шевченко [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н а ш к и н А. В. Проблемы жанра вопросоответной литературы в контексте церковно-канонической письменности поздневизантийского периода // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2014. Вып. 4 (39). С. 7–15. DOI: 10.15382/sturIII201439.7-15
2. А н а ш к и н А. В. Эпистолярные «следы» в византийских церковных канонико-правовых эротапокризах XII в. (на материале канонических ответов митрополита Никиты Ираклийского) // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 2. С. 56–59.
3. А р х а н г е л ь с к и й Т. А., П а н о в В. А. Аспект в греческом языке: проблемные зоны и типология // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. 8, № 2. С. 122–148.
4. Ф о к к о в Н. Ф. К синтаксису греческого новозаветного языка и византийского. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 320 с.
5. A e r t s W. J. Periphrastica. An investigation into the use of εἶναι and εἶχεν as auxiliaries or pseudo-auxiliaries in Greek from Homer up to the present day: Diss. Amsterdam, 1965. 216 p.
6. B e n t e i n K. Adjectival periphrasis in Ancient Greek: The categorial status of the participle // Acta Classica. 2013. Vol. 56. P. 1–28.
7. B e n t e i n K. Perfect periphrases in post-classical and early Byzantine Greek: An ecological-evolutionary account // Journal of Greek Linguistics. 2012. Vol. 12 (2). P. 205–275. DOI: 10.1163/15699846-00000002
8. B e n t e i n K. Verbal periphrasis in Ancient Greek. A state of the art // Revue belge de Philologie et d'Histoire. 2012. Vol. 90 (1). P. 5–56. DOI: 10.3406/rbph.2012.8388
9. B r o w n i n g R. Medieval and modern Greek (3rd reprinted edition). Cambridge: Cambridge University Press; New edition, 1983 (reprinted 1989, 1985).
10. D ö r r i e H., D ö r r i e s H. Erotapokriseis // Reallexikon für Antike und Christentum. Bd. 6. Stuttgart, 1966. S. 342–370.
11. E r m i l o v P. Towards a classification of sources in Byzantine question-and-answer literature // Theologica minora. The minor genres of Byzantine theological literature / Ed. by A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio (SBHC 8). Turnhout, 2013. P. 110–125. DOI: 10.1484/M.SBHC-EB.1.101921
12. H i n t e r b e r g e r M. The synthetic perfect in Byzantine literature // The language of Byzantine learned literature / Ed. by M. Hinterberger. Turnhout, 2014 (SBHC 9). P. 176–204. DOI: 10.1484/M.SBHC-EB.1.102129
13. H o r r o c k s G. C. Greek: A history of the language and its speakers. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. 2nd ed. 525 p.
14. J a n s s e n M. C. Perfectly absent: the emergence of the Modern Greek perfect in early Modern Greek // Byzantine and Modern Greek Studies. 2013. Vol. 37 (2). P. 245–260. DOI: 10.1179/0307013113Z.00000000027
15. K a v č i č J. The decline of the aorist infinitive in Ancient Greek declarative infinitive clauses // Journal of Greek Linguistics. 2016. Vol. 16 (2). P. 266–311. DOI: 10.1163/15699846-01602004
16. M c K a y K. L. On the perfect and other aspects in New Testament Greek // Novum Testamentum. 1981. Vol. 23. Fasc. 4. P. 289–329. DOI: 10.2307/1560768
17. P a p a d o y a n n a k i s Y. Instruction by question and answer: The case of late antique and Byzantine erotapokriseis // Greek Literature in Late Antiquity: Dynamism, didacticism, classicism. Hampshire, 2006. P. 91–105. DOI: 10.4324/9781315585864

18. Rijksbaron A. The syntax and semantics of the verb in Classical Greek: An introduction. Chicago; London, 2002. 2nd ed. 228 p.
19. Ševčenko I. Levels of style in Byzantine prose // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1981. Vol. 31 (1). P. 289–312.
20. Sicking C. M. J., Stork P. The synthetic perfect in Classical Greek // *Two studies in the semantics of the verb in Classical Greek*. Leiden; New York; Cologne, 1996. P. 119–298. DOI: 10.1163/9789004329867_010
21. Trapp E. Review: Aerts W. J. *Periphrastica*. An investigation into the use of εἶναι and ἔχειν as auxiliaries or pseudo-auxiliaries in Greek from Homer up to the present day. Diss. Amsterdam, Hakkert 1965. 4 Bl., 216, 10 S. // *Byzantinische Zeitschrift*. 1967. Vol. 60 (1). P. 92–94. DOI: 10.1515/byzs.1967.60.1.86
22. Wahlgren S. *Byzantine literature and the classical past // A companion to the Ancient Greek language* / Ed. by E. J. Bakker. Wiley-Blackwell, 2010. P. 527–538. DOI: 10.1002/9781444317398.ch35

Поступила в редакцию 03.08.2023; принята к публикации 04.09.2023

Original article

Anton V. Anashkin, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, St. Tikhon's Orthodox University for Humanities, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5246-2210; miles-an@rambler.ru

MORPHOLOGY AND SEMANTICS OF PERFECT FORMS IN THE BYZANTINE CANONICAL QUESTION-AND-ANSWER (EROTAPOKRISEIS) LITERATURE

Abstract. The article examines the functional features of the Greek perfect and the models of its formation on the basis of Byzantine monuments of church canonical literature of the XI–XV centuries. Reference to the texts of Byzantine canonical question-and-answer literature is due to the fact that initially it represented acts of epistolary communication, and therefore proves to be a valuable linguistic source that can give an idea of the Greek language within a certain tradition. The relevance of the work is determined by the research problems aimed at studying the verb tenses. The results of the study show that the perfect is mainly represented by personal forms in the indicative and participles, with the latter being the most viable synthetic perfect forms partially preserved in Modern Greek. The study of the frequency and distribution of the perfect forms showed that even in texts of the same linguistic level, genre and style, there are qualitative and quantitative differences in the use of the perfect forms. In some texts, the average number of the perfect forms is in the range of ~8–11 per 1000 words, while in others this figure is several times lower. It was established that in the studied texts the synthetic perfect functions as aorist, which suggests their semantic interchangeability. At the same time, the periphrastic (analytic) perfect (εἶμι + part. perf.) preserves, although fragmentary, the idea of the effectiveness of an action and is the dominant periphrasis in the said texts. The results of the study of the perfect functions and formation patterns, on the one hand, enable us to characterize the language of the studied monuments and the specific stylistic features of their authors as classicism-oriented, and on the other hand, demonstrate a tendency of this verb category to flatten in the late Byzantine period.

Key words: Ancient Greek, Byzantine Greek, perfect, morphology and semantics of perfect forms, Byzantine question-and-answer literature

For citation: Anashkin, A. V. Morphology and semantics of perfect forms in the Byzantine canonical question-and-answer (erotapokriseis) literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(7):28–35. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.954

REFERENCES

1. Anashkin, A. V. Genre problems of question-and-answer literature in context of late Byzantine canonical writing. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*. 2014;4(39): 7–15. DOI: 10.15382/sturIII201439-7-15 (In Russ.)
2. Anashkin, A. V. Epistolary trace in Byzantine church canonical erotapokriseis of XIIth century (on the material of canonical erotapokriseis by Niketas, metropolitan of Herakleia). *Vestnik of Kostroma State University*. 2017;23(2):56–59. (In Russ.)
3. Arkhangel'sky, T. A., Panov, V. A. Aspect in Greek: problems and typology. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2012;8(2):122–148. (In Russ.)
4. Fokkov, N. F. On the syntax of New Testament Greek and Byzantine Greek. Moscow, 2012. 320 p. (In Russ.)
5. Aerts, W. J. *Periphrastica*. An investigation into the use of εἶναι and ἔχειν as auxiliaries or pseudo-auxiliaries in Greek from Homer up to the present day: Diss. Amsterdam, 1965. 216 p.
6. Bentein, K. Adjectival periphrasis in Ancient Greek: The categorial status of the participle. *Acta Classica*. 2013;56:1–28.

7. Bentein, K. Perfect periphrases in post-classical and early Byzantine Greek: An ecological-evolutionary account. *Journal of Greek Linguistics*. 2012;12(2):205–275. DOI: 10.1163/15699846-00000002
8. Bentein, K. Verbal periphrasis in Ancient Greek. A state of the art. *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. 2012;90(1):5–56. DOI: 10.3406/rbph.2012.8388
9. Browning, R. *Medieval and Modern Greek* (3rd reprinted edition). Cambridge, 1983 (reprinted 1989, 1985).
10. Dörrie, H., Dörries, H. *Erotopokriseis. Reallexikon für Antike und Christentum*. Bd. 6. Stuttgart, 1966. S. 342–370.
11. Ermilov, P. Towards a classification of sources in Byzantine question-and-answer literature. *Theologica minora. The minor genres of Byzantine theological literature (SBHC 8)*. (A. Rigo, P. Ermilov, M. Trizio, Eds.). Turnhout, 2013. P. 110–125. DOI: 10.1484/M.SBHC-EB.1.101921
12. Hinterberger, M. The synthetic perfect in Byzantine literature. *The language of Byzantine learned literature (SBHC 9)*. (M. Hinterberger, Ed.). Turnhout, 2014 (SBHC 9). P. 176–204. DOI: 10.1484/M.SBHC-EB.1.102129
13. Horrocks, G. C. *Greek: A history of the language and its speakers*. Chichester, 2010. 525 p.
14. Janssen, M. C. Perfectly absent: the emergence of the Modern Greek perfect in early Modern Greek. *Byzantine and Modern Greek Studies*. 2013;37(2):245–260. DOI: 10.1179/0307013113Z.00000000027
15. Kavčič, J. The decline of the aorist infinitive in Ancient Greek declarative infinitive clauses. *Journal of Greek Linguistics*. 2016;16(2):266–311. DOI: 10.1163/15699846-01602004
16. McKay, K. L. On the perfect and other aspects in New Testament Greek. *Novum Testamentum*. 1981;23(4):289–329. DOI: 10.2307/1560768
17. Papadoyannakis, Y. Instruction by question and answer: The case of late antique and Byzantine erotopokriseis. *Greek literature in Late Antiquity: Dynamism, didacticism, classicism*. Hampshire, 2006. P. 91–105. DOI: 10.4324/9781315585864
18. Rijksbaron, A. *The syntax and semantics of the verb in classical Greek: An introduction*. Chicago; London, 2002. 228 p.
19. Ševčenko, I. Levels of style in Byzantine prose. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1981;31(1):289–312.
20. Sicking, C. M. J., Stork, P. The synthetic perfect in Classical Greek. *Two studies in the semantics of the verb in Classical Greek*. Leiden; New York; Cologne, 1996. P. 119–298. DOI: 10.1163/9789004329867_010
21. Trapp, E. Review: Aerts, W. J. *Periphrastica*. An investigation into the use of εἶναι and ἔχειν as auxiliaries or pseudo-auxiliaries in Greek from Homer up to the present day. Diss. Amsterdam, Hakkert 1965. 216 p. *Byzantinische Zeitschrift*. 1967;60(1):92–94. DOI: 10.1515/byzs.1967.60.1.86
22. Wahlgren, S. *Byzantine literature and the classical past. A companion to the Ancient Greek language*. (E. J. Bakker, Ed.). Wiley-Blackwell, 2010. P. 527–538. DOI: 10.1002/9781444317398.ch35

Received: 3 August 2023; accepted: 4 September 2023